

ЛОИС МАКМАСТЕР
БУДЖОЛД

ЦИКЛ
«ХРОНИКИ ШАЛИОНА»:
Проклятие Шалиона

Паладин душ

Пендрик и Дездемона. КНИГА 1

Пендрик и Дездемона. КНИГА 2

Священная охота

LOIS MCMASTER
BUJOLD

The Curse
of Chalion

ЛОИС МАКМАСТЕР
БУДЖОЛД

Проклятие
Шалиона

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Б90

Серия «Хроники Шалиона»

Lois McMaster Bujold
CURSE OF CHALION

Перевод с английского *В. Миловидова*

Дизайн и иллюстрация *Е. Фerez*

Карта полуострова Ибра составлена Лоис М. Буджолд совместно
с Кэрол Коллинз.

Печатается с разрешения Lois McMaster Bujold,
представленного Spectrum Literary Agency и агентства Nova Littera SIA.

Буджолд, Лоис Макмастер.

Б90 Проклятие Шалиона : [фантастический роман] / Лоис Макмастер Буджолд ; [перевод с английского В. Миловидова]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 640 с. — (Хроники Шалиона).

ISBN 978-5-17-153980-1

«Проклятие Шалиона» (2001), роман, послуживший началом нового фэнтезийного цикла «Хроники Шалиона (Мир Пяти богов)», был номинирован на несколько значимых премий, получил Мифопоэтическую премию, и, самое главное, привел читателей в восторг!

Люп ди Кэсерил, небогатый дворянин, возвращается в Шалион после тяжелых, изнурительных лет плена на пиратских галерах. Он истощен и сломлен морально. Кажется, не осталось больше ни одного дома, где нищего обездоленного человека могли бы принять. Последняя надежда — провинкара Баосии, его прежняя госпожа, у которой он служил пажом много лет назад. Доброта этой женщины и ее справедливость несомненны, но какую цену в итоге придется заплатить Кэсерилу за кров и пищу?

Страшную цену.

Цену, которую едва ли платил кто-либо из смертных.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

© Lois McMaster Bujold, 2001

© Перевод. В. Миловидов, 2023

© Издание на русском языке AST Publishers, 2024

Автор выражает свою благодарность профессору Уильяму Д. Филипсу за предоставленную возможность познакомиться с материалами его курса по истории, а также за оказавшиеся в высшей степени полезными четыреста долларов и десять недель, что я провела в его школе. Выражаю также свою признательность Пэт Вреде («Давай, это будет забавно!») за предложение поиграть в слова, в результате чего из тайников моего мозга на свет божий выбрался прото-Кэсерил, вечно моргающий и спотыкающийся на каждом шагу тип. Благодарю также коммунальные службы Миннеаполиса за горячий душ, который вдруг связал описанные выше два пункта воедино и породил новый мир и людей, живущих в нем.

Стук копыт Кэсерил услышал раньше, чем увидел верховых. Он быстро обернулся. Избитая лошадиными подковами и истерзанная колесами повозок дорога уползала вбок и вверх, на пологий склон холма, а потом вновь вязла в обычной для этого времени года слякоти. Небольшой ручеек, слишком узкий и тщедушный для того, чтобы над ним кто-то взялся строить мост или убрал его в трубу, мягко журчал перед ним, стекая с ощипанных скотом пастбищ. По громкому стуку копыт, скрипу сбруи, звону оружия и бодрым голосам всадников можно было понять, что из-за поворота сейчас появятся отнюдь не мирные фермеры на повозках и не коробейники, понукающие своих мулов.

Наконец кавалькада явилась взору Кэсерила: около дюжины вооруженных людей, в колонну по двое, в сверкающих доспехах. Слава Богам, не разбойники! Кэсерил перевел дух и слотнул, почувствовав, как встревоженное сердце вновь забилось ровно и спокойно. Хотя, встретиться он с разбойниками, взять у него им было бы нечего. Кэсерил сошел с дороги и повернулся, чтобы пропустить верховых.

В жиденьком утреннем свете кольчуги на всадниках матово сияли серебром, и ясно было, что надеты они не для боя, а для парада. Голубые накидки сочетались с белыми цветами сим-

вола Госпожи Весны, а серые плащи, закрепленные на плечах отполированными пряжками, развевались за спинами всадников в прохладном утреннем воздухе. Не воины, а придворные шуты — вряд ли они захотят испачкать свои шикарные наряды упрямой кровью Кэсерила.

К его удивлению, подъехав, капитан отряда резко вскинул руку. Если бы рядом с Кэсерилом был старый конюший его отца, ох уж он и задал бы перцу этим юнцам, неспособным аккуратно остановить коней и не дать им, чавкая копытами и рискуя упасть, нелепо сгрудиться на узкой дороге. Впрочем, какое ему до них дело?

— Послушай, старина! — обратился к Кэсерилу капитан.

Кэсерил, который стоял на обочине один, инстинктивно дернулся, чтобы посмотреть, к кому обращается этот картинно сидящий рядом со знаменосцем офицер, и понял: они приняли его за какого-нибудь мужлана-фермера, ковьялящего на рынок, или за посыльного. И, в общем-то, он сам дал им для этого повод: на изрядно поношенных башмаках — по пуду грязи, тело прикрывает не по его росту и размеру сшитая одежда, которой он нацепил несколько слоев, заботясь не о фасоне, а исключительно о том, чтобы спастись от пронизывающего до костей юго-восточного ветра. Что делать? Так уж получилось, что он вынужден был благодарить всех зимних Богов за любой доставшийся ему клочок ткани. А тут еще эта двухнедельная щетина на подбородке! Неужели все-таки старина? Капитан мог бы выразиться и более презрительно. Но почему же все-таки старина?

Капитан показал стеклом вперед — туда, где дорога, по которой они скакали, пересекалась с другой дорогой.

— Это, направо, дорога на Валенду? — спросил он.

Да, когда-то... Кэсерил задумался, и цифра, всплывшая в памяти, ошаршила его. Семнадцать лет назад он последний раз скакал по дороге на Валенду, но не на придворный праздник, а на войну, и состоял он тогда в свите провинкара Баосии.

Конечно, под ним был не роскошный боевой конь, как под этими красавчиками, а всего-навсего сивый мерин, но сам-то он был молод, отчаян и кичлив — ничем не хуже этих юных животных, что смотрят на него сейчас со своих лошадей. *Сегодня я рад был бы и ослу, хотя, конечно, пришлось бы, сидя на нем, подгибать колени, чтобы носки башмаков не зачерпывали дорожную грязь.* Кэсерил улыбнулся, зная наверняка, что за этими роскошными фасадами прячутся пустые кошельки, стонущие от голода и широко раскрывающие рты в жажде проглотить хотя бы пару монет.

Солдаты как будто внюхивались в него, пытаясь определить, что он за птица. Конечно, они не собирались производить на него особого впечатления — он же не был высокородным господином (или тем более госпожой), способным одарить их своей щедростью. Напротив, они были бы не прочь продемонстрировать этому деревенщине свои аристократические манеры, совершенно ошибочно увидев в его любопытствующем взгляде восхищение, разбавленное, как им казалось, изрядной долей тупости.

Кэсерил подавил в себе желание направить их по ложному пути, на какие-нибудь затоптанные и загаженные овцами пастбища или куда-нибудь и похуже, куда привела бы их дорога, уходящая от перекрестка вправо. Но лучше не играть в такие игрушки с личной гвардией Дочери, тем более накануне празднования Ее Дня. И, конечно же, он прекрасно знал, что люди, отдавшие себя делу священной военной службы, начисто лишены чувства юмора, а это опасно! Тем более что, поскольку он направлялся в тот же город, что и они, был риск там с ними пересечься.

Кэсерил прочистил горло (он не говорил ни с одной душой со вчерашнего дня) и сказал:

— Нет, капитан! Дорога, ведущая в Валенду, отмечена дорожным камнем (по крайней мере, раньше было именно так). Отсюда до нее около трех миль. Не пропустите.

Выпростав руку из-под висящих на нем лохмотьев, он махнул ею вдоль дороги. Пока ему не удавалось разогнуть стянутые судорогой пальцы, и вместо ладони перед солдатами предстала какая-то клешня. Холод острым ножом резанул по распухшим суставам, и он поспешил спрятать руку в складки одежды.

Кивнув широкоплечему знаменосцу, который держал древко на сгибе локтя, капитан гвардейцев запустил руку за спину, вытащил кошелек и, раскрыв его, стал искать там монетку. Наверняка минимального номинала, подумал Кэсерил. Наконец на свет появилась пара монет, и капитан принялся вертеть их пальцами, внимательно разглядывая. Одна из них оказалась полновесным золотым, вторая — медным грошом. Капитан уже хотел было протянуть грош стоящему перед ним бедолаге, но в этот момент лошадь дернулась, и, выскользнув из пальцев, в грязь к копытам коня упал золотой. Капитан в ужасе потянулся за ним, но вовремя опомнился — не станет он на глазах подчиненных копать в дорожной грязи! Да и этот крестьянин, стоящий перед ним, не будет свидетелем его позора. Выпрямившись, он с самым гордым видом оглядел Кэсерила и презрительно усмехнулся, ожидая, что тот бросится под ноги коню и примется раскапывать грязь в поисках неожиданно свалившегося на него сокровища.

Вместо этого Кэсерил поклонился и произнес:

— Да оделит вас своим благословением Госпожа Весны, юный господин, — как вы щедро наградили недостойного бродягу, ни в малой мере не заслужившего вашей милости!

Будь у молодого воина больше ума, он распознал бы в речах Кэсерила насмешку, и последний схлопотал бы плетью по физиономии. Но бычье выражение на лице капитана отразило лишь отчаяние, он мотнул головой и жестом двинул кавалькаду вперед.

Если капитан был чересчур горд и высокомерен, чтобы снизить до поисков золотого, то Кэсерил слишком устал,

а потому, отойдя на шаг в сторону, он стал дожидаться, пока мимо него протащится обоз отряда, состоящий из слуг и повозок, запряженных мулами. Только после этого, болезненно морщась, он наклонился и выудил из лужи, натекшей в отпечаток конского копыта маленькую золотую искру монеты. Боль в спайках на спине резанула жестоко. *О, Господи, какой же я старый!* Кэсерил восстановил дыхание и выпрямился, чувствуя себя столетним стариком, куском придорожной грязи на подошве покидающего этот мир Отца Зимы.

Кэсерил отер монету от грязи, что было нетрудно, ибо грязь к благородному металлу пристает неохотно, после чего вынул кошелек и, отправив золотой в его кожаную пасть, проводил его печальным взглядом. Увы! Теперь ему вновь есть чего бояться. Опять он становится самым желанным встречным для любого бандита. Выйдя на дорогу и отправившись вслед за уже скрывшимся за поворотом отрядом, Кэсерил принялся размышлять о своем приобретении. Такой пустяк, а так много значит. А стоит ли он того? Соблазн для слабого, излишнее беспокойство для мудреца. Чем, кстати, был этот золотой для юного солдата с бычьими глазами, который был так смущен и раздосадован своей неожиданной щедростью?

Кэсерил окинул взором голый пейзаж. В неясном угольно-сером свете глазу не за что было зацепиться: голые ветви редких деревьев да кусты ежевики, разбросанные тут и там вплоть до горизонта, где поблескивает гладь неширокой реки. Единственное видимое укрытие — брошенная ветряная мельница, стоящая на вершине холма; крыша ее провалилась, а лопасти свалились перед фасадом и гниют. И тем не менее если что...

Кэсерил свернул с дороги и принялся забираться на холм, точнее — холмик, если сравнить его с горными вершинами, которые он преодолевал еще неделю назад. И тем не менее подъем показался слишком изнурительным, и он готов был уже повернуть назад, но, преодолевая силу порывов ветра, который, терзая пряди стелющейся по земле серебристой тра-

вы, казался здесь много сильнее, чем внизу, все-таки вполз в темное чрево мельницы, и, взобравшись к полуразрушенному окну по шаткой лестнице, выглянул наружу.

Внизу, на оставленной им дороге, он увидел всадника. Не воин, скорее — один из слуг, с поводьями в одной руке и массивной палицей в другой. Его послал капитан в надежде выбить из бродяги случайно утраченную монету? Слуга, не спускаясь с лошади, невнимательно оглядел оставленные лошадьми следы, после чего с отвращением глянул на склоны холмов по обеим сторонам дороги и, ударив лошадь шпорами, поспешил догнать своих спутников.

Кэсерил вдруг услышал свой собственный смех. Странное, незнакомое чувство овладело им. Это не был страх, сводящий судорогой внутренности и заставляющий человека дрожать мелкой дрожью. Не чувство, а скорее отсутствие всяких чувств... Зависть, желания — все ушло, растворилось в небытии. Он не хотел вновь стать одним из этих солдат, не хотел никуда их вести. Он смотрел на их блестящий строй как на представление тупых кукол на ярмарочной площади в базарный день. *Господи! Как же я устал!* Да, а еще и хотел есть! Но до Валенды еще четверть дня пути, и только там он сможет отыскать менялу, который поменяет его золотой на более удобные медяки. А ночью, если Госпожа Весны будет к нему благоклонна, он найдет ночлег в таверне, а не в коровьем хлеву. Сможет купить себе горячей еды, сбрызнуть двухнедельную щетину, принять ванну...

Глаза его привыкли к полумраку, царившему внутри. Он принялся оглядываться и вдруг увидел лежащее на замусоренном полу тело.

Он в ужасе замер, но, отметив, что ни один живой человек не станет лежать в столь неудобной позе, выдохнул и присмотрелся.

Кэсерил мертвецов не боялся. Из-за чего бы человек ни умер, теперь он...

Несмотря на то что лежащий не двигался, Кэсерил, прежде чем подойти к нему, поднял с пола увесистый булыжник. Мертвец при жизни был полным, средних лет, если судить по седеющей аккуратной бороде, с опухшим багровым лицом человека. Задушен? На шее следов никаких. Одежда неброская, но дорогая, хотя и плохо сидящая — видно, была маловата размером. Коричневый шерстяной плащ и черная туника, шитая серебристой ниткой, могли принадлежать и богатому купцу, и лорду средней руки, а может, и амбициозному профессору. Но уж ни в коем случае не ремесленнику, не крестьянину, не солдату. На руках, покрытых желто-пурпурными пятнами, не было ни мозолей (Кэсерил посмотрел на свою левую руку, где отсутствовали два кончика пальцев, утраченные им в неравной борьбе с якорным канатом), ни видимых повреждений. Отсутствовали и украшения — ни колец, ни цепей, ни браслетов, которые ценностью соответствовали бы одежде незнакомца. Неужели до Кэсерила здесь уже побывал какой-нибудь мародер?

Стиснув зубы, Кэсерил наклонился поближе, и сейчас же его любопытство было наказано резкой болью в спине. Лежащее перед ним тело распухло — так же, как распухло лицо и руки; но любой, достигший такой степени разложения труп был просто обязан наполнить свое последнее укрытие удушающим смрадом, который моментально обездвижил бы любого вошедшего, едва тот появился на пороге мельницы. Но ничего подобного не ощущалось — лишь легкий мускусный аромат, запах дыма да глинисто-холодного пота.

Внимательно осмотрев утоптаный земляной пол, на котором лежало тело, Кэсерил понял, что был неправ, решив, что этого человека убили и ограбили на дороге, а уж потом, чтобы скрыть следы, перетащили сюда. Рядом с телом были видны сгоревшие до конца и превратившиеся в лужицы воска разноцветные свечи — синяя, красная, зеленая, черная и белая. Здесь же валялись кучки трав и пепла, а у стены, в тени — дох-

лая ворона со свернутой шеей. Присмотревшись, Кэсерил увидел и мертвую крысу с перерезанным горлом. Крыса и ворона, существа, священные для культа Бастарда, Бога всех несчастий и катастроф: смерчей, землетрясений, засухи, наводнения, выкидышей и убийств... *Ты хотел о чем-то попросить Бога?* Если судить по всему, что увидел Кэсерил, этот пухлый идиот занимался магией смерти и заплатил за это обычную цену. Был ли он один или же у него были единомышленники?

Ни к чему не прикасаясь, Кэсерил осмотрел мельницу изнутри и снаружи. Ничего — ни сумок, ни одежды, ни иного имущества, сваленного в угол или повешенного на стенной крюк. К коновязи, если судить по состоянию лежащего там навоза, совсем недавно были привязаны лошади — одна или несколько. Но теперь их не было.

Кэсерил вздохнул. Конечно, ему нет до этого мертвеца никакого дела, но оставлять человека просто так гнить, не совершив над ним обряда захоронения, — это безбожно! Кто знает, сколько времени пройдет, пока его кто-нибудь найдет! Хотя, поскольку это человек не бедный, искать его, вероятно, будут. Такие не пропадают бесследно, как пропадают бездомные, никому не нужные бродяги. И хотя Кэсерилу совсем не хотелось связываться с мертвецом, он поборол соблазн рвануть в сторону дороги и навеки забыть про эту разрушенную мельницу.

Вместо этого он пошел в противоположную сторону: тропинка, протянувшаяся вдоль склона холма, должна была привести его либо в деревню, либо на ферму. Одним словом, к людям. И не прошло и нескольких минут, как Кэсерил увидел человека, ведущего в поводу осла, нагруженного валежником. Человек остановился и с подозрением оглядел Кэсерила.

— Да одарит вас Госпожа Весны добрым утром, сэр! — вежливо произнес Кэсерил. Что за беда, если простого фермера он и назовет сэр? Сейчас, на свободе, вдали от галер, он готов был целовать заскорузлые ноги любого бедняка.

Фермер, оценив внешность Кэсерила, невнятно поприветствовал его и пробормотал:

— Будь благословенна Госпожа...

— Вы поблизости живете?

— Ну, да...

Это был средних лет человек, достаточно крепкий, в плаще с капюшоном, простым, но прочным и надежным, гораздо менее изношенным, чем плащ Кэсерила. На ногах человек стоял твердо и уверенно — словно простиравшиеся вокруг земли принадлежали ему, хотя, наверное, это было не так.

— Понятно, — кивнул Кэсерил и показал на дорожку, по которой пришел от мельницы.

— Я шел по дороге, — объяснил он, — и зашел на мельницу, чтобы укрыться...

Он не стал входить в детали относительно того, от чего он укрывался.

— ...и нашел там мертвеца.

— Вот как?

Кэсерил колебался, жалея о том, что где-то выбросил свой бульжник.

— Вы что-нибудь о нем знаете? — спросил он наконец.

— Видел утром его лошадь, привязанную.

— Понятно.

Нет, все-таки стоило уйти прочь и не задерживаться. Какое ему до всего этого дело? И тем не менее он продолжил:

— А кто это мог быть?

Фермер пожал плечами и сплюнул.

— Все, что я знаю, так это то, что он не отсюда. Когда я понял, что за темные дела здесь делались прошлой ночью, я обратился к настоятельнице нашего Храма. Она пришла и забрала его вещи. На хранение, пока кто-нибудь не придет и не заберет их. Лошадь его я поставил в свой сарай. Возьму себе в уплату за хлопоты. А Хранительница сказала, нельзя его так оставлять до ночи.